

Светлана Назарова

СПОЙ МНЕ ЭТУ СТЕПЬ

Не стало в этом мире Светланы Назаровой – талантливого человека, неравнодушного к судьбам культуры и литературы, к судьбам людским и судьбе страны. Автор четырех книг: «Я доверяю вам...», «Не оставляйте на потом...», «Вечная Ева» и «Избранная проза», Светлана Назарова была и постоянными автором журнала «Простор». Ее стихи вошли в поэтические сборники поэтов современного Казахстана. С 2006 года она была главным редактором журнала "Рандеву". До последних дней возглавляла альманах «Литературная Алма-Ата». Ее проза и стихи публиковались в журналах «Литературная Армения», «Современное образование», «Нива», «Медный всадник», альманахе «Литературная Алма-Ата».

Выпускница редакторского факультета Московского полиграфического института, Светлана Назарова, как радиоведущая, журналист и автор программ работала на радиостанциях «ТОТЕМ», «СИТИ» - «104-я параллель», посвященной авторской песне. Ее материалы публиковались в газетах «Казахстанская правда», «Огни Алатау», «Горизонт», «Ковчег», «Караван». На стихи С. Назаровой написаны песни, звучавшие в разные годы на международных фестивалях авторской песни в Саратове (Грушинский), Санкт-Петербурге («Невский аккорд»), Алматы («Лиловый ветер»). Не один десяток лет на благотворительной основе Светлана Николаевна организовывала и вела поэтические вечера в концертных залах Алматы, участвовала в судьбе многих творческих личностей Казахстана. Светлой памяти товарища по литературному цеху редакция «Простора» посвящает эту подборку ее рассказов и эссе.

СВОБОДНАЯ ЧАЙКА БАБА АРИША

...Есть в нашей исконно русской культуре бабушки. Такие особенные ведуньи Природы, каждого корешочка заповедного, заземленного – родного земле, возрадившей его силу и соки, каждой былиночки неприметной, каждого камешка на первый взгляд обычного, каждой оболочки сгнувшего существа, твари земной. Как только ни рисовали их облик художники слова и кисти! Они и бабки-ёшки с крючковатым носом, злобные и нелюдимые. И повязанные платком по самые брови одиночки, от которых происходят все беды на этом свете. И обязательно

у них должны быть либо зеленые, либо голубовато-зеленые глаза. Либо уж совсем черные, как перезревшая вишня. Но наши бабушки совсем не обязательно старые женщины, согнутые годами и болезнями, и глаза у них могут быть самого распространенного цвета, и живут они зачастую не на отшибе. И крановщицами они прежде могли работать, и комбайнершами. Не в этом ведь твердь их существа. Просто у них другое общение. Другие помощники. Другие знания и другое видение человека. Они в этом не виноваты. Не избирали себе этого непростого пути. Не желали быть изгоями общества, не делали ничего ради того, чтобы их боялись и сторонились или, наоборот, именно их искали отчаявшиеся, потерявшиеся, упавшие духом люди. Так решила за них сама их судьба. И так вот сложилось, что и с водичкой умеют бабушки разговаривать испокон веков, и ветер у них на службе, и дикий зверь становится как ручной, и любую травушку знают назначить на исцеление, и слова заветные хранят. Чтоб воскресить болезного человека, чтоб даровать ему надежду, чтоб к смерти (если она неизбежна) готовился легко, всепрощающе освобождая летучую душу свою от тягот жизненных, в которых и душа эта, мягкая, податливая и греховная, и окружающие ее души были так же одинаково непрозрачны, несправедливы, излишне строги к другим (но не к себе), излишне требующие, но сами никому ничего не дающие...

А слова заклинаний им, бабушкам нашим сокровенным, диктуют – нет, не темные силы. А дают те токи, которые передаются по невидимой серебряной нити через дальние, древние поколения, и, как подземный родник, требуют выхода, излития наверху для утоления страстей душевных и телесных, утешения физических болей и напоения спокойным смыслом исхудавших болезных душ. И приходят к ним искать гармонии в семье, рецептов родить ребеночка, избавиться от лихой агрессии и черного завистливого глаза разные люди – и мусульмане, и христиане, и прочие. Да и бывшие и нынешние коммунисты приходят: здоровья-то и потомства хочется всем! Пусть не ищут тут противоречия служители христианской религии, пусть не опорочивают чистую природу этого целительства – сострадательного, человеколюбивого, зачастую человеками же оттесняемого на край села, на край жизни – данного свыше, не имеющего ничего общего со стяжанием славы и денег. Это как в старинной русской сказке, когда усыпанная спелыми налитыми яблоками яблонька просит страдающую, ищущую, верную, слабую и самоотверженную одновременно героиню: «Съешь моего яблочка, и я помогу тебе...»

Вот так я, по причине в тот момент необходимости, а частично – из любопытства, а главное – из-за боязни не успеть отложить в личной памяти облик и впечатление от одной из таких вот окутанных тайной и наветами бабушек – попала к бабе Арише... Слава о ней как о целительнице, мудром человеке, знатоке снадобий от бесплодия, туберкулеза, некоторых костных заболеваний, как об умелице исцелять многих безнадежных больных, от которых отказываются даже квалифицированные врачи, заговаривать зубную боль, вправлять грыжу, избавлять от падучей изустно пронеслась по городам и весям моей родной казахстанской земли.

* * *

...Маленький домик-избушка. Летом здесь падают на крышу плоды со старой корявой груши, давно переросшей домик. Во дворе много цветов, грядки с овощами и целебными травами.

Сейчас, зимой, протоптана по двору тропинка к крыльцу. Темно-синее вечернее небо, желтая луна над крышей, желтый свет в окошке – как на старых новогодних открытках... И даже кот, сидящий на снегу, тень которого луна отбрасывает на волнистый сугроб, тоже – с открытки...

Баба Ариша по скрипу снега узнает шаги «своих», то есть соседей – больше у нее никого нет – и пришлых.

Баба Ариша – не простая бабушка. Знает много разных тайн о природе и «жисти», травы и заговоры. Еще недавно, пока позволяли силы, помогала всем, старому и малому, в их недугах. Теперь не всех берется лечить, не отказывает лишь иногородним – жалеет их, путь-то к ней какой длинный проделали!

Прежде чем зайти в домик, обращаешь внимание на пучочек сухой душистой травы, подвешенный у дверного косяка, и связку чеснока. Это баба Ариша защитную богородскую травку вывесила – «чтоб лихие люди порог не переступали».

Вообще у нее много такого, что чарует своей поэтичностью и таинственностью. Например, печет баба Ариша печенье или свои знаменитые шаньги – и обязательно оставит на ночь в тарелочке на столе, «для домового Тиши, чтоб не баловал, помогал и в доме лад делал»; обычный веник бабушка предусмотрительно ставит ручкой вниз, «чтоб зависть не заводилась и сглазу не было». Или вот под иконкой маленькая плошка с мукой стоит – «чтоб хлебушко всегда в доме водился».

А с виду – бабушка как бабушка. Всем соседям, их детям и внучатам варежки и носки вяжет. Просто так. Но и они ей во всем помогают.

Молодых женщин обучает она сдобное тесто замешивать «по-старинному», квас на травах летом настаивать.

Никогда ни на что не жалуется.

А живет одна. Так уж случилось. На ту пенсию, что получает. Но живет.

Ест баба Ариша мало, как птичка. Всегда опрятная, вещи носит подолгу. Про любимую старую юбку и кофту говорит: «Настирываю – да опять на себя: я к им прилепилась».

Много чего ей дарили благодарные люди, которых она исцеляла. Особенно раньше, 2-3 года назад. А она передаривает новые вещи тем, кто, по ее словам, «больше мается».

Но зато радоваться умеет всему: хлеба свежего купила, нюхает его с наслаждением: «от хорошо!» Снег выпал – улыбается: «от хорошо!» Она говорит «от» вместо «вот». Но среди простонародных выражений может удивить и вполне научным словцом.

Когда я впервые увидела бабу Аришу, то испытала чувство узнавания – будто я вспоминаю ее, смутно знакомую, даже родную – такое уютное, материнское нечто исходило от нее. Но в момент, когда баба Ариша лечит «болезного», вся она преображается: лицо становится строгим и будто помолодевшим, взгляд острым и суровым, движения четкими и скупыми, а голос... Такому голосу хочешь-не хочешь, а подчинишься. Смотришь на нее и побаиваешься. А руки-то откуда такую силу берут! Знает бабушка, куда надо надавить пальцами, где погладить, а ты вроде и не жаловался на это конкретное место, которое она прознала сама, без расспросов. И взгляд, взгляд этот выдержать невозможно!..

Крайняя степень удовольствия у нее: «Ну до чего же складно!», а негодование и ругательство – «ах ты, нежить!»

– Баба Ариша, а почему вы так говорите – «нежить»?

– Да то ж такой человек, что ни животному, ни людям, ни Богу от него проку нет. Как вроде и не живет. Нежить и есть.

– А не скучно вам одной?

– Сроду не скучно. Делов полно.

– Спать, наверное, рано ложитесь?

– Ох, я мечтательница! Полночи не посплю, все мечтаю.

– О чем же это, баба Ариша?

– Да о всем. Начну мечтать, как уголька еще запасу – этот кончается уж. Петя, сосед, обещался помочь. Ну, еще как помидорков насажу по весне – мне тут одна таки хороши семена дала! Каких травок надо насобирать. Лишь бы ноги ходили! За все мечтаю, за жисть. Вот как бы я к сестре съездила в Сибирь. Она постарше меня будет, уж 90 ей без малости. А на работу ненормальная! Что ты! Бешена, не угонисся! У их огород 20 соток, скотина – все на ей было! Все сама!

– Знахарством, траволечением – только вы одна из всей семьи занимаетесь?

– Ну, она меньше моего может. Но знает. Знает. А как без этого? Мы врачей сроду не знали, это уж р-е-ед-ко когда пойдешь. И детей мало водили, по приказу из школы только. А так – сами. Где травку, где что.

– А с ногами мучаетесь! Может быть, стоит сходить к врачам? Сейчас много новых лекарств, может, помогут вам...

– Нет, не то. У меня ноги-то стали болеть, как старая стала. Работы много тяжелой за жисть поделала. А к врачам че ходить? От старости лекарства еще не выдумали. Как выдумают – так пойду. Мне мои собственные лекарства помогают.

– К врачам не обращаетесь. А они к вам?

– Ну вот, смеешься. А чего смеешься? И врачей лечила – почему нет? Бывало, они потом ко мне своих больных направляли. Особенно ребятишек.

– Вам ведь уже за 80. Не страшно одной?

– Дак страшное все уж позади. Ивана, мужа своего, схоронила. Сынок единственный погиб. Против судьбы ни у кого силы нет. Че уж теперь-то бояться? Доживу, сколько Бог даст. А для крайнего случая все у меня наготовано, людям хлопот со мной меньше будет.

– Баба Ариша, а ведь трудно вам концы с концами сводить. Может, я вам рекламу сделаю – знаете, сейчас многие объявления дают: лечу то, лечу это. Глядишь, копейка какая-то появится.

– Да нет, не надобно. Нехорошо это. Кому мое надо – того Бог сам приведет, без вашей рекламы. Кому надо – меня находят. Я ж свободная, как чайка! Не всякого и лечить возьму – вижу, когда вмешиваться не нужно. Да и уставать стала: потопчусь-потопчусь – и лежу. Ну вот дитяам отказать не могу. Помогаю с Божьим участием.

– Баба Ариша, а взрослых почти не лечите? Почему?

– А чего их лечить? Большинство от собственной дури хворают. Пьют без меры, курят, сквернословят, другое без разбору делают. Ленятся сейчас, работают мало. Не то за богатство считают, что заповедано, а то, чему цена – медный грош. Удобства любят превыше родни. А удобства тело разрушают, душу сушат. Хворь и привязывается.

– Ну а муж ваш, Иван Иванович, не курил совсем?

– Не-е. С войны привычный был табак нюхать. Вот с этой табакеркой ходил. Бывало, как станет пчихать, так кот вихрем под кровать – и сидит, покуда Иван не успокоится.

– А его вы тоже лечили?

– Бывало. А по правде сказать, не болел он по-серьезному. И помер чисто, тихо, в банке перед этим помылся. Все наказал – как мне без него жить, как что. Сроду руку мне не целовал, а тут так ласково поцеловал, будто дитя малое.

– Тоскливо вам...

– Ишь, все тебе знать надо. Итак уж все повыспросила. Тоску свою, девонька, каждый сам тосковать должен, ни с кем не делиться. И на тоску угомон есть – песня да молитва. Давай лучше чай пить с мятой да с сибирским медком...

В чистенькой комнатке на полу домотканые половики, в уголке – иконы с лампадкой, и почти сразу под ними – обеденный стол. Телевизор стоит на самодельной тумбочке, завешен вышитой салфеткой: бабушка Ариша и вышивала сама, пока глаза хорошо видели.

...А любимая песня бабушки Ариши – «Скакал казак через долину». Поет она сильным не по годам голосом, чуть раскачиваясь, перебирая старческими пальцами в частых веснушках концы платка. И глядит поверх меня светлоглубыми мудрыми глазами то ли в окно, то ли еще куда – в одной ей ведомую сторону.

1996 г.

УРЮКОВАЯ РОЩА

Сколько себя помню, в доме всегда было чисто. В доме всегда было уютно. Блестели кастрюли, утварь. Оконные шторы, тюль сияли белизной. Постельное белье, которое вывешивалось во дворе после маминой стирки (вручную, в цинковом корыте, на металлической волнистой стиральной доске, на семью из шести человек: родителей двое и нас, детей, четверо) нельзя было спутать ни с чьим другим – оно было снежно-белым, как и полотенца, как и все прочие тряпки.

От маминой стряпни дух был на всю округу, а пироги не черствели целую неделю.

С 1957 года мы жили в Алма-Ате. Огород, политый и прополотый мамиными руками, с аккуратными грядочками, где всего было понемножку, не знал неурожайных лет: все высаживалось в срок, все вовремя укрывалось от морозов...

Любые неожиданные гости могли не беспокоиться: их не встречали сумрачной миной, из скудных продуктов мама молниеносно могла что-то сотворить – простое, но вкусное.

Мои школьные подруги любили у нас ночевать, мои школьные друзья-мальчишки приходили ко мне делать уроки, играть: у нас было «можно», у нас взрослые относились ко всем с уважением.

Позже, когда я была уже старшеклассницей, к нам в дом приезжали друзья моих сестер и братьев из разных городов, друзья их друзей, знакомые, друзья случайных попутчиков, с кем мои общительные братья и сестры успевали знакомиться в течение жизни в своих поездках. Мама с папой всегда принимали их как родственников: им отдавалось лучшее ложе для ночлега и готовилась праздничная

еда, даже если семья переживала материальные трудности. Я думаю, что те из них, кто жив сегодня, помнят радушие моих родителей.

И мама, и отец свободно говорили на казахском. Отец по роду работы ездил в командировки по Алма-Атинской области, всюду у него были друзья-казахи. Отправляясь в села, он «доставал» (тогда было именно это слово – не купить, а «достать») – дефицитный индийский чай, покупал килограммами карамель «Театральную», «Барбарис» и ириски «Золотой ключик» – это были гостинцы для казахских семей. Надо ли говорить о том, в какую большую юрту превращался наш дом, когда с ответным визитом (а в основном за покупками в столицу с базовой остановкой в нашем доме) наезжали папины сельские друзья-казахи – люди труда, не избалованные жизнью, державшиеся со скромным достоинством. Они приезжали перед началом учебного года, чтобы купить детям одежду для школы, ранцы и прочее, а заодно сводить их в зоопарк и на аттракционы в парк имени Горького. Но ведь всю эту ораву накормить, уложить спать должна была мама!.. Аулчане приезжали в бортовой машине большой ватагой – 5-7 человек. В деревянном кузове грузовика были настелены кошмы, стояли узелки со снедью и бутылки с водой, взятые ими в дорогу. Машина, подъехав к нашему дому, сигналила, мама с папой выбегали встречать. Мама жарила картошку, из домашней курицы готовила лапшу, жарила баурсаки и лепешки. Если в доме было мясо, мама готовила бешбармак, и это был настоящий казахский бешбармак, язык проглотить! Зимой доставала соленья из погреба, варенье – и вот уже стол накрыт! Казахи, кстати, никогда не приезжали с пустыми руками – привозили баранину, кинину, курт. Кое-кто из прибывших, если дело было летом, шел ночевать в кузов машины, остальных мама укладывала в доме, раскладывая на полу теплые зимние вещи и накрывая их простынями (постели на всех не хватало).

Всякую работу мама делала, напевая. Всегда, всю жизнь. Я не помню случая, чтобы у нее была хмурая гримаса, когда утром она провожала меня в школу или встречала после уроков, а позже – на работу и с работы...

Я не помню злобных замечаний со стороны родителей в адрес каких бы то ни было людей, зависти к чужому достатку, успеху, везению... Они жили свою, а не чужую жизнь. Они все время трудились. На глупости в виде суждения над людьми у них не было времени и желания.

Мама могла быть грустной, усталой, задумчивой, но злой или унылой – никогда.

Черноволосую, смуглую, черноглазую, отлично говорящую по-казахски, ее принимали за татарку. А мама была «русской» украинкой. Родную мову знала и любила, замечательно – тихо и задушевно – пела украинские народные песни, знала массу прибауток, приговорочек, шуток – и все было всегда уместно, в цель, остроумно и мудро.

У мамы было большое, щедрое сердце. Ей доверяли тайны. Чужие люди, чья жизнь была лишена материнской ласки, обретали в ней мать, даже если по возрасту были ровней моей мамы.

...Когда папы не стало, маме назначили пенсию по утрате кормильца в размере 33 рубля. И когда почтальон приносила эту мизерную пенсию-насмешку (минимальный оклад был тогда 75 рублей), мама обязательно усаживала ее за стол, потчевала пирогами или блинами, с сочувствием и вниманием выслушивала жалобы почтальонши на сложную жизнь и, провожая, еще давала ей полтинничек...

В последние годы жизни все ее «прогулки» сводились к выносу мусорного ведра: она охраняла это свое право на прогулку, поскольку была человеком долга, мусорное ведро обязывало ее пересилить боль в ногах и пройтись, хотя давалось ей это день ото дня все труднее...

Когда-то, когда мама была еще молодая, лет до ее 50-ти и позже, мы ездили за урюком в алма-атинские предгорья, всегда большой компанией, с соседями. И потом, когда чистили урюк для варенья (целых два ведра), мама не выбрасывала косточки от плодов, а всю эту кучу подсушивала на солнце и заворачивала в какие-нибудь тряпки. И когда я через неделю, две, три собиралась с подружками в горы «подышать», она просила меня взять эти косточки урюка, «рассыпать и прикопать», чтобы выросла новая роща. Для меня? Для моих детей? Для других, кого мама никогда не увидит и не узнает – так же, как и они ее, кто будет так же приезжать в алматинские предгорья за диким урюком для варенья, отдыхать в тени деревьев, наслаждаться шумом горной пенистой речки?

Она говорила это просто, но настойчиво, как любое обыденное задание по дому поручала. Об этом никто не знал, кроме меня и моих подруг: настолько это было само собой разумеющимся – то, что исходило от мамы... А работка была еще та – «прикопать» несколько сотен урюковых косточек!

А когда прошло много лет, я поняла, что вряд ли встречу за всю свою жизнь хоть одного человека из многих тысяч, кто заставлял бы своих детей отвозить в горы, «присыпать землей» косточки от урюка, чтобы выросла новая роща...

А роща-то выросла! Урюк неприхотлив, и он любит землю, родившую его. Правда, теперь эти рощи повырубили те, кто не знает, что такое любовь.

* * *

Я слышу зов через дрожанье веток,
 Через облако, зависшее над домом,
 Через тихий звон протуберанцев жгучих
 И спрятанный в глубины стон земли...
 И облака вдруг станут парусами,
 И маяком обыденное солнце,
 И мачтами безверхия деревья,
 И кораблем округлая земля.

До встречи! Вот и уплываю я...

Апрель 1998 г. – август 2000 г.

СПОЙ МНЕ ЭТУ СТЕПЬ

Поэтическое эссе

Дорога поднимается в гору – и вот снова спуск, как короткое «ах!»

По обеим ее сторонам на небольших холмах сливаются в красный покров буйствующие маки...

Как недолго цветет эта чуть холмистая солончаковая степь... Макам предшествовали желтые остролистые тюльпаны. Они отцвели быстро, как сон. Предтечей же недолгой поры их было жизнерадостное море одуванчиков среди низкорослой полыни.

А скоро, после недолгого буйного праздника маков, степь примет свой обычный вид: серо-зеленая, пахнущая полынью и сухостоем прошлогодних незатейливых, скудных солончаковых трав, она не порадует глаз каким-то неожиданным ярким пятном – ни цветком, ни деревом. Серые шары перекасти-поля, курай, редкие придорожные пятачки-колонии верблюжьей колючки вперемешку с понурыми от недостатка воды листьями лопухов...

И в чем загадка ее притягательности – нельзя объяснить...

Ветер гуляет по степи, разносит ее горькие запахи-вести, будит глубинную печаль, поднимает ее из тайничков души и приводит мысли в соответствие с этой печалью, с этим низким всезнающим небом, которое в степи обретает без суетных помех значение главного действующего лица, влияющего на настроение, обращающего мысли вглубь и обрывающего на полуслове человеческую речь, как бы уводя ее со сцены, как не нужного в главном акте статиста...

Каприз Творца – степь... Чтоб научить потомков Адама видеть красоту и смысл не в одном лишь пышном и праздном, но – в суровом, скромном, где пресыщенный ум незаметно отступает перед чутким сердцем...

Небо, степь, ветер, запахи... Незаметно утилитарные тревоги вытесняются и уступают место плавному, медленному наполнению космичностью, щемящей любовью ко всему живому – драматизму его существования и трагедии умирания...

Созерцание степи тревожит иные пласты души и сознания, чем, скажем, лес или прекрасные, постриженные и ухоженные, распланированные человеком современные городские парки. Иные, нежели дворцовые парки великих русских городов...

Там, в парках, искусственному глазу предстоит окультуренная природа, подогнанная под представления об эстетике горожанина, лишь в смутных, размытых отголосках памяти сохранившего облик первозданной природы.

Парки – природа, от которой отсечено все лишнее с точки зрения рациональной цивилизации. А лишнее – это свобода. Свобода расти рядом диким травам и цветам, и колючкам, и осоке, свобода дерева быть самим собой, свобода его ветвей перерасти другие или изогнуться прихотливо, или переплестись с другими ветвями другого дерева...

Скупая четкость степных рельефов, лаконичность красок степи, близость неба, обманчивость кажущейся издалека бархатным ковром неласковой, жесткой, досыта не напоенной зелени – зелени странной, сероватой, как бы нездешней, неземной – но оживляющей, но радующей, но покрывающей эту степь каждую весну, едва стает снег, и – делающей ее живой, непохожей на мертвые, сумрачные фотографии ландшафтов иных планет. Завораживает, околдовывает, опьяняет...

Степь дает ощущение простора, свободы, которое, оказывается, необходимо горожанину, давленному бетоном многоэтажек, железными стадами дымных машин, ограниченному пространством мегаполиса, где все регулируется навязанными геометрическими формами и правилами «можно» и «нельзя», высотой потолка квартиры, узостью тротуаров, тупиками дворов...

Что-то происходит с человеком в степи – что? И когда это происходит? Тогда, когда запах пыльной полыни щекочет его ноздри? Или когда взор не спотыкается с препятствия, охватывая степное пространство? Или когда сознание отдыхает,

отрадно удерживая мысль, что степь – это модель бесконечности: и вот за тем небольшим холмом она не кончается, и за другим, и очерченный горизонт – это не ее предел?..

О, мудрые братья мои, степняки... нас объединила сейчас в единобожии степь...

Это здесь была бы уместна статуя свободы. Нет, не та громадная каменная женщина, внушающая страх своими габаритами. Здесь, среди ковыля, видится мчащийся конь с развевающейся гривой, едва касающийся копытами земли – будто летящий в потоках былей и небылиц, прошлого грядущего, среди струящейся в бесконечность земли-степи, выпархивающих из ее недр птах, не скованного ничем и никем потока ветров, перегоняющих друг друга, неизвестно где берущих начало и неизвестно где завершающих свой всхлип...

Какая доза этой свободы нужна человеку? Сколько бы мог здесь быть один, если бы не был так зависим от тепла, еды, влаги? Когда заскучал бы по обществу собратьев? Когда насытился бы свободой подлинного одиночества вокруг и внутри себя? Стал бы потом иным, или упаковал бы свои открытия, откровения, веру и прощание с прежними идолами в надежный ларчик, и снова стал бы одним из тех, кто безвыходно принимает условия и условности, устоявшиеся в жизни большого города?

Ах, ну вот только что... только что, близко уже был не ответ, но понимание... ускользнуло, не далось, рассеялось...

...А сейчас, вернувшись из степи, где ты выпускал себя из клетки на время полетать, ложись спать... Чтобы и сегодня, и завтра, и еще когда-нибудь увидеть во сне серую полынь и лопух, и мелкие голубые цветы на жестких, наждачных на ощупь серо-зеленых стеблях, белую пастушью сумку на стебельках-ниточках, подскакивающее под напором ветреного азарта перекаати-поле и – лукаво завязывающий в неоспоримом единстве небо и землю темный шнурок горизонта...

И придут к тебе во сне прекрасные грустные звуки тобою сочиненных протяжных мелодий, которые, пробудившись, не сможешь вспомнить, да и не догадаешься никогда, что их уже много раз сочиняли до тебя...

1998 г.

